

Прихода Ирина Вениаминовна

ПРОЗА ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК МЕТАТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА-КОММЕНТАРИЯ Е. ПОПОВА "ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ "ЗЕЛЕНых МУЗЫКАНТОВ")

Статья раскрывает понятие метатекстуальности в литературоведении и лингвистике. Дана краткая характеристика произведений постмодернизма, которые на сегодняшний день обладают наибольшей концентрацией метатекстуальности в рамках художественной литературы. Проведен анализ одного из произведений постмодернистского пласта, на основании которого сделаны выводы об основных смыслообразующих компонентах категории метатекстуальности и функциях метатекста.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(64): в 3-х ч. Ч. 3. С. 45-48. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE PROBLEM OF FORMULAICITY IN SMALL GENRES OF FOLKLORE: YAKUT CHABYRKHAKH

Pokatilova Nadezhda Volodarovna, Doctor in Philology, Professor
Institute for Humanities Research and the Indigenous Studies of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
pnv_ysu@mail.ru

Among the small genres of Yakut folklore, *chabyrkhakh* – tongue-twister – has great prominence. For the first time, formulaicity foundation of the genre is examined specifically. It becomes clear that its formulaicity is closely connected with the short verse metric. This genre's formulaicity language appears to be a conservation of the most archaic traits of the poetic language of oral tradition. Genre's productivity of the formulaicity is retained even in written text i.e. literature.

Key words and phrases: oral tradition; literature; small genres of folklore; archaic genres; poetic language; formula; formulaic language; verse metric; short verse.

УДК 8; 81-114.2

Статья раскрывает понятие метатекстуальности в литературоведении и лингвистике. Дана краткая характеристика произведений постмодернизма, которые на сегодняшний день обладают наибольшей концентрацией метатекстуальности в рамках художественной литературы. Проведен анализ одного из произведений постмодернистского пласта, на основании которого сделаны выводы об основных смыслообразующих компонентах категории метатекстуальности и функциях метатекста.

Ключевые слова и фразы: метатекстуальность; интертекстуальность; постмодернизм; метатекст; образ автора.

Прихода Ирина Вениаминовна
Челябинский государственный университет
prihoda-irina@mail.ru

**ПРОЗА ПОСТМОДЕРНИЗМА КАК МЕТАТЕКСТ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА-КОММЕНТАРИЯ
Е. ПОПОВА «ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ “ЗЕЛЕННЫХ МУЗЫКАНТОВ”»)**

Постмодернизм как специфический способ мировосприятия и мироотображения прошел долгую фазу латентного формообразования и лишь к концу XX века утвердился в статусе философской категории, фиксирующей ментальную специфику современной эпохи в целом. Постмодернистскому мировоззрению свойственна эпистемологическая неуверенность, т. е. представление о мире как о хаосе. Это обуславливает специфическую форму мироощущения, называемую постмодернистской чувствительностью, отрицающей все системы ценностей и приоритетов. Единственными средствами существования в таком мире могут быть ироничность трактовок, пародирование и десакрализация самых высоких материй.

Признаки постмодернизма как особого способа мировосприятия и мироотображения проецируются на текст.

Рассмотрим особенности постмодернистского прозаического текста (на примере романа-комментария Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» [11, с. 2-332]) с позиции присущей данному пласту произведений метатекстуальности.

Постмодернистский текст характеризуется рядом специфических черт: неопределенность, ситуация «лабиринта смыслов», фрагментарность и принцип произвольного монтажа, разрушение традиционных жанров, инверсия, ирония [6, с. 47].

В основе этого особого способа представления содержания культурных традиций современности лежит понятие интертекстуальности (термин Ю. Кристевой) [7, с. 435], являющееся в настоящее время объектом исследования многих гуманитарных наук.

Одной из многих исследователей интертекстуальности в области лингвистики является Н. С. Олизько. Вслед за Ж. Женеттом, который в попытке обнаружить, конкретизировать и исследовать комплексные отношения между текстами говорит о метатекстуальности, определяя ее как различные формы «критики» – комментарии, интерпретации, рецензии [5, с. 2], исследовательница, занимаясь вопросами типологии интертекстуальности, среди прочих выделяет и метатекстуальность как авторский комментарий на особенности построения собственного текста, обнажающий приемы, используемые для передачи определенного содержания и отражающие процессы становления произведения [9, с. 51].

А. В. Голубков в своей статье «Проблема метатекстуальности и становление мемуаристического стиля во французской литературе XVII века» указывает на наличие метатекстуальных элементов в мемуаристических повествованиях во французской литературе XVII века [4, с. 57]. Общим и основным источником современной концепции метатекстуальности является идея диалогичности М. М. Бахтина [2, с. 230]. Понятие «метатекст» в лингвистике стало широко использоваться после статьи А. Вежбицкой «Метатекст в тексте». Авторский монологический текст рассматривается как «двутекст»: само высказывание и высказывание о высказывании или комментарий к высказыванию [3, с. 410].

Однако единства в толковании данного понятия нет ни в одной из областей, рассматривающих метатекстуальность как объект исследования. Обобщая изученный нами материал, можно определить метатекстуальность как свойство (категорию) текста, необходимое для актуализации связи автора и создаваемого им текста; связи, выполняющей преимущественно смыслообразующую и частично композиционно-структурирующую функции.

В качестве основных смыслообразующих компонентов метатекстуальности выступают образ автора и метатекст (метатекст выступает как результат, продукт, реализующий основные функции метатекстуальности).

В постмодернистском тексте метатекст практически заменяет персонажа классического произведения ввиду переноса акцентов внимания с повествуемого события на сам ход повествования. Для постмодернизма характерна тематизация процесса литературного творчества и жизни как творчества. В широком смысле все постмодернистские произведения представляют собой метатексты.

Метатекст, реализующийся в виде комментария автора, занимает центральное место в художественной структуре постмодернистского текста и является связующим звеном между автором и читателем как адресатом художественной коммуникации.

Одним из ярких примеров постмодернистской метапрозы является произведение Е. Попова «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» [11, с. 2-332].

«Подлинная история “Зеленых музыкантов”» представляет собой событийную линию (историю Ивана Иваныча, советского студента, начинающего писателя) и автокомментарии (композиционно дистанцированную часть произведения, вполне самостоятельную цельную историю). Автокомментарии составляют большую часть всего произведения, подчеркивая, что во главе угла стоит не повествуемое событие, а сам процесс повествования.

Однако подобная нелинейная форма изложения художественного материала, фрагментарность, разорванность текста всего произведения на структурном и смысловом уровнях затрудняют процесс его понимания читателем.

В качестве одной из смысловых единиц, обеспечивающих наиболее адекватную интерпретацию произведения, выступает автор. Сложность понятия «автор» обусловлена наличием двух значений: автор как реальная историческая личность и автор как синтетический образ (метаобраз). Подобное представление об «образе автора» может возникнуть лишь на основе пристального внимания читателя ко всем элементам динамической и разветвленной системы художественных смыслов текста [13, с. 221].

В постмодернистском произведении возможна ситуация «слияния» этих двух значений (автор – реальная личность и автор – метаобраз), что является следствием концептуального выражения постмодернистской исследовательской парадигмы «мир как текст», подразумевающей, что мир, созданный автором, и реальность, не зависящая от него, постепенно «перетекают друг в друга». И что, в свою очередь, выражается на языковом уровне конкретного произведения: в идентичности лингвистических средств (лексика, синтаксические конструкции, стиливая окраска высказываний) повествователя – реального автора и автора в метатекстуальных включениях. На содержательном уровне: в постоянном пересечении текста и метатекста, нескольких метатекстов, (А) раскрывающих процесс написания: *С величайшей робостью (2) и тихой творческой печалью приступаю к изготовлению этого небольшого труда...* [11, с. 3]. И тут же автор комментирует свой же комментарий (метатекстовое включение в метатексте):

(2) *Робости как таковой у меня в тот момент совершенно не имелось. Брал лист бумаги да валял что в голову придет...* [Там же, с. 54].

(Б) эксплицирующих связь героев и автора / окружающего пространства и автора: *...из раннего периода жизни моего не очень близкого знакомого, некоего Ивана Иваныча, человека ныне (5) весьма и весьма в нашем городе уважаемого* [Там же, с. 3].

(5) *И ныне (1997) – тоже* [Там же, с. 54].

Таким образом, повествователь в романе ««Подлинная история “Зеленых музыкантов”»» есть реальный автор, конкретное лицо, ведущее читателя от одного метатекста к другому, способствуя адекватной интерпретации, но, как следствие, порой «теряющегося» в собственных метатекстах, что, в сущности, отражает концепцию Р. Барта о «смерти автора» и постмодернистском тексте как самоорганизующейся субстанции [1, с. 417].

Автокомментарии составляют композиционно дистанцированную часть всего романа. Пользуясь терминологией В. А. Шаймиева, исследующего метатекст и его типы, мы относим его к сепаративному метатексту [12, с. 83]. По отношению к нему первая часть произведения – «Зеленые музыканты» – является практестом, в текстовой ткани которого мы выделяем другой тип метатекстуальных включений (по В. Шаймиеву) – интраметатекст:

...Потерял я где-то как-то свою изначальную нить... Вот свежий тому пример – сижу я сейчас за столом и пытаюсь сочинять, а самому так и хочется поскорее это скорбное занятие оставить [11, с. 4].

Основная функция интраметатекста – развертывание текста, связь разрозненных частей произведения в единое целое.

Метатекст, созданный автором произведения, является главным орудием читателя в борьбе со смысловой путаницей постмодернистского текста. В метатексте содержится важная для правильной, адекватной интерпретации информация. Это может быть собственное объяснение-комментарий автора или отсылка читателя к другому источнику, который может также помочь раскрыть замысел автора: предыдущие произведения данного автора, произведения других авторов, явления социально-исторической действительности. Это позволяет говорить об интекстуальных и гипертекстуальных (в трактовке Н. С. Олизыко) включениях в метатексте [9, с. 49].

Гипертекстуальные включения актуализуют связь с предшествующими произведениями автора, что обеспечивает более глубокое понимание содержания данного произведения. С позиции когнитивной лингвистики гипертекстуальность активизирует когнитивные механизмы восприятия и интерпретации текста в терминах фреймовых структур. Если литературное творчество отдельного автора представить в виде фрейма, то основные философские воззрения и эстетические принципы писателя образуют узлы фрейма, отдельные произведения – слоты фрейма. Метонимические связи всех слотов фрейма открывают новые измерения каждого текста в едином текстовом универсуме писателя. Переход от одного произведения к другому в рамках всего корпуса текстов позволяет читателю глубже проникнуть в замысел каждого конкретного произведения, а также распознать ту своеобразную картину мира, которую писатель стремится передать всем своим творчеством [Там же, с. 57].

Автокомментарий к истории «Зеленых музыкантов», содержащий гипертекстуальную отсылку к одному из предыдущих произведений Е. Попова («Во времена моей молодости» [10, с. 166-179]), поднимает тему, лейтмотивом проходящую по всему текстовому универсуму писателя, – отрицательное отношение к Советской власти. На языковом уровне это выражается в употреблении разговорных выражений / лексики отрицательной эмоциональной окраски или ненормативного характера, отражающих иронию / больше цинизм автора в отношении к Советской власти.

Интертекстуальные включения вносят информацию о различных прецедентных феноменах и отражают «цитатность постмодернистского мышления» – насыщенность произведений постмодернизма различного рода реминисценциями. Прецедентные феномены – основные элементы когнитивной базы как совокупности знаний и представлений, релевантных как для отправителя информации, так и для реципиента [9, с. 35].

Глубинные процессы, лежащие в основе обеспечения связи художественного произведения с различными прецедентными феноменами, могут быть интерпретированы в терминах и понятиях теории фреймов. С одной стороны, фрейм может быть рассмотрен как организующий принцип, в соответствии с которым информация поступает в память, хранится в ней и используется индивидом при интерпретации и создании текстов, с другой – как конечный результат данного процесса, то есть как структура представления знаний, которые кодируются словами [Там же, с. 38].

А что унижали ВСЕХ – это точно. «Бесконечная цепь унижения» (А. Битов) [11, с. 79]. Автор ссылается на прецедентное в данном случае высказывание А. Битова о непростой жизни при Советской власти.

В рамках постмодернистского комплекса идей интерпретация не связывается с реконструкцией исходного значения текста, которое задается авторским замыслом, а приравнивается к «деконструкции» текста. Текст интерпретируется не как оригинальный феномен, а как конструкция из различных способов письма и культурных цитат. Также существует мнение о принципиальной невозможности интерпретации художественного произведения. Однако образ автора / автор и создаваемый им метатекст как основные смыслообразующие элементы категории метатекстуальности способствуют адекватному пониманию и интерпретации читателем текста произведения, спасая его (произведение) тем самым от коммуникативного провала.

Таким образом, «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» как яркий пример прозаических произведений постмодернизма характеризуется рядом специфических черт, которые можно развести по разным уровням. На уровне содержания это неопределенность, преобладание неясностей. На уровне композиции – дисгармоничность, несоразмерность. На уровне жанра – смешение высоких и низких жанров. На уровне художественных приемов – ирония и разрушение знаковой системы как обозначение торжества хаоса в реальности [8, с. 47]. Роман-комментарий Е. Попова отличается высокой концентрацией метатекстуальности. Метатекст, занимающий большую часть текста всего произведения (приоритет процесса повествования), являясь выражением авторской интенции, связывает разрозненные части романа в единое целое, нейтрализуя тем самым путаницу на композиционном и смысловом уровнях.

Список литературы

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 413-423.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 434 с.
3. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402-421.
4. Голубков В. А. Проблема метатекстуальности и становление мемуаристического стиля во французской литературе XVII века // Барокко и классицизм в истории мировой культуры: материалы Международной научной конференции. Серия «Symposium». СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 17. С. 56-59.
5. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Научный мир, 1982. 76 с.
6. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 251 с.
7. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. С. 427-457.
8. Лихина Н. Е. Актуальные проблемы современной русской литературы: Постмодернизм: учебное пособие. Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1997. 59 с.
9. Олизько Н. С. Интертекстуальность как системообразующая категория постмодернистского дискурса (на материале произведений Дж. Барта): дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2002. 194 с.
10. Попов Е. А. Во времена моей молодости // Тихоходная барка «Надежда»: рассказы. М.: Вагриус, 2001. С. 166-179.
11. Попов Е. А. Подлинная история «Зеленых музыкантов». М.: Вагриус, 2003. 334 с.
12. Шаймиев В. А. Композиционно-синтаксический аспект функционирования метатекста в тексте (на материале лингвистических текстов) // Русский текст. 1996. № 4. С. 80-92
13. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. 472 с.

POST-MODERNISTIC PROSE AS META-TEXT (BY THE EXAMPLE OF THE NOVEL-COMMENTARY
BY Y. POPOV "THE REAL STORY OF THE "GREEN MUSICIANS")

Prikhoda Irina Veniaminovna
Chelyabinsk State University
prikhoda-irina@mail.ru

The article discovers meta-textuality conception in the literary criticism and linguistics. The author presents a brief survey of post-modernistic works which nowadays have the highest concentration of meta-textuality among literary texts. The paper provides an analysis of one of the works of post-modernistic trend on the basis of which makes conclusions on the main meaning-formative components of meta-textuality conception and meta-text's functions.

Key words and phrases: meta-textuality; inter-textuality; post-modernism; meta-text; author's image.

УДК 82-1/-9

В статье систематизируются совпадающие и различительные характеристики мифологического и сказочного хронотопов. Оба хронотопа отличаются антропоцентричностью и биполярностью, выражающейся во взаимосвязанных пространственных и временных оппозициях. Мифологический хронотоп отличается цикличностью, воспроизводимостью, его пространственно-временные образы синкретичны. Сказочному хронотопу свойственны сужение пространственно-временного континуума и переход от цикличности к линейности.

Ключевые слова и фразы: картина мира; мифологический и сказочный хронотоп; пространственно-временные образы; цикличность; линейность; биполярность.

Соловьева Наталия Владимировна, к. филол. н., доцент
Московский государственный областной университет
natavs@list.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКОЙ И СКАЗОЧНОЙ КАРТИН МИРА**

Пространство и время принадлежат к фундаментальным онтологическим категориям, характеризующим «формы бытия процессов, вещей и явлений, отражающих, с одной стороны, их со-существование (в пространстве), с другой – порядок смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования» [15].

Как известно, восприятие времени и пространства менялось вместе с развитием человечества. Для первобытного человека, с его мифологическим сознанием и ориентированностью на эмоционально-чувственный опыт, Вселенная представлялась замкнутым пространством. В центре мифологической картины мира находился конструктивный элемент природы – цикл (восход и заход солнца как отражение ежедневного цикла; смена времен года как отражение ежегодного цикла; рождение, жизнь и смерть как отражение цикла человеческого существования). Повторение циклов задавало определенный ритм и одновременно подразумевало круговорот вещей и существ внутри замкнутого космоса. С переходом от пралогического к логическому мышлению у человечества появилась потребность в измерении и структурировании времени и пространства, систематизации множества явлений объективного мира в соответствии с их пространственными и временными характеристиками.

В настоящем исследовании нас интересует специфика пространственно-временной организации сказочной картины мира, сохранившей мифологические корни и одновременно отличающейся таким качеством, как художественность. Наша цель заключается в установлении сходств и отличий сказочного и мифологического хронотопов. Исследование мифологической и сказочной картин мира представляется нам актуальным, поскольку миф и сказка как специфические способы мировосприятия восполняют «пробоины рационально-рационального восприятия действительности, навязанного техногенной цивилизации» [9, с. 8], транслируют опыт с учетом не только рационального, но и героического, красивого, справедливого.

Одной из «несущих конструкций» (по определению М. М. Бахтина) обеих картин мира, мифологической и сказочной, становится хронотоп – особая пространственно-временная организация, позволяющая сделать образ мира наглядно-зримым. Предложенный М. М. Бахтиным термин «хронотоп» (греч. *χρόνος* «время» и *τόπος* «место») обозначает единство, взаимосвязь и взаимовлияние времени и пространства в художественном произведении: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе – «времяпространство»)» [1]. При этом хронотоп призван условно воспроизводить пространственно-временную картину мира, образы времени и пространства не тождественны реальным и обладают собственными особенностями.

Обратимся к рассмотрению понятия времени в мифическую эпоху, под которой подразумевается доисторический период, когда человек создавал первопредметы (орудия охоты, предметы быта) и совершал перводействия (добывание огня, приемы охоты, строительство жилища, ритуальные действия). Неразрывная